

и др.), но и первых представителей советских национальных научных кадров (Б. К. Далгат, И. Карачайлы-Хубиев, Г. А. Кокиев и др.). Истинный успех мог прийти только при гармоничном объединении всех этих сил.

Свой обзор литературы в этой главе А. И. Мусукаев доводит до начала 1960-х годов, компетентно оценивая большой вклад ученых (в том числе В. К. Гарданова, А. И. Робакидзе, Р. Л. Харадзе, Е. Н. Студенечкой, Т. Х. Кумыкова, Н. Ф. Такоевой и др.) в разработку проблем патронимии, фамилии, семьи, внутрисемейных родственных отношений у адыгов, балкарцев и карачаевцев. Ярко показано, как постепенно, но упорно происходил отказ от чрезмерной архаизации общественно-семейного быта горцев и одновременно критически встречались попытки преувеличить реальную степень этого явления. Однако историко-этнографические аспекты изучаемой проблематики у других народов Северного Кавказа фактически не освещены в книге, что заметно обедняет ее.

В отдельной главе А. И. Мусукаев рассматривает роль М. О. Косвена в кавказоведении. Критически сопоставляя его взгляды с суждениями других авторов, используя лично собранные полевые материалы, автор кратко и емко характеризует основные открытия М. О. Косвена в области исследования архаических организаций. К числу наиболее важных заслуг ученого А. И. Мусукаев справедливо относит основополагающую идею о распаде архаического рода на Кавказе и смене его патронимией, которая длительное время сохраняла представление о кровной близости своих членов, об общности их интересов, подкрепляемое территориальным единством этого общественного коллектива.

Завершает книгу глава «Проблемные этнографические исследования». В ней ранее заметная тенденция абсолютизации кабардино-балкарского материала получает полное воплощение. Автор теперь открыто концентрирует свое внимание лишь на соответствующих фрагментах обобщающих трудов большой группы специалистов или на статьях последних 25 лет, принадлежащих перу московских, ленинградских и местных этнографов. Объяснение этому следует искать не в слепой дани «местничеству», узкому этнолокальному подходу к проблеме. Ограниченный объем книги и стремление подробно показать состояние и дискуссионность проблем традиционных и общественных институтов неизбежно приходят в столкновение. Видимо поэтому автор не сумел подкрепить заголовок и подзаголовок работы соответствующим содержанием.

Тем не менее книга несомненно сослужит свою службу при дальнейшем исследовании архаических общественных организаций, их генетических корней, связанных с ними остаточных процессов и пережитков, дальнейшего развития общественно-семейных отношений вплоть до наших дней. Труд А. И. Мусукаева, являясь редким (едва ли не уникальным) опытом историко-этнографического исследования проблем этнографии Кавказа, будет полезен не только для этнографов и историков-профессионалов, но более всего для их подрастающей смены, глубина и основательность научных взглядов которой во многом зависят от овладения всей суммой накопленных ранее знаний.

В. Б. Виноградов

Фольклорный театр народов СССР/Отв. ред. Кайдалова О. В. М.: Наука, 1985. 247 с.

Актуальность исследования фольклорных драматических жанров продиктована не только необходимостью глубокого изучения истоков и генезиса развитых театральных форм, попыткой проследить закономерности театрального развития, но и потребностями современной сцены. В последние десятилетия все большее число театральных деятелей обращается в своем творчестве к театральному фольклору. Это сказывается в привнесении некоторых традиций народного театра в спектакли на профессиональной сцене (импровизационность, вовлечение в действие зрительного зала, условные приемы, приобретающие знаковую функцию, атрибутивность бутафории). Некоторые представления народного театра пытаются целиком перенести на сцену. Это, например, спектакль «Лодка» в студии А. Левинского в Москве или литовский фольклорный театр, работающий на базе Музея народного быта Литовской ССР.

Фольклорный театр является одним из наименее изученных этапов развития отечественного театрального процесса. Часть проблем его исследования попытались разрешить, некоторые просто наметили авторы рецензируемой книги «Фольклорный театр народов СССР».

Сборник содержит 12 статей о фольклорном театре восточных славян, народов Средней Азии, Кавказа, Молдавии и других республик.

Поставлена задача не просто рассказать в одной книге о том, что представляет собой устное драматическое творчество народов СССР, но и выработать единый подход к его исследованию. Основное внимание обращалось не на обрядовые действия в целом, а лишь на те из них, в структуру которых в качестве доминанты входят игровые и зрелищные моменты. Концептуальное единство позволило авторскому коллективу выделить то общее, что характерно для фольклорного театра независимо от этнографического его контекста (коллективность творчества, вариативность, сатирическая направленность, импровизационность, условность действия), и одновременно показать «национальные модификации общих признаков фольклорной эстетики» (с. 9).

Ограниченный объем исследования не позволил многим авторам детально показать место и проследить эволюцию фольклорного театра в системе жанров фольклора. Рас-

смаатриваются в основном формы фольклорного театра, бытование которых следует отнести к XIX—XX вв. Это связано с тем, что более ранними записями и обрядовых игр, и народной драмы фольклористика почти не располагает. Лишь в статье В. Е. Гусева «Фольклорно-драматическое творчество восточнославянских народов» исследуется игровая обрядность («предтеатр»). Автор прослеживает выделение в игровой обрядности эстетической функции в качестве доминантной, а затем дальнейшую эволюцию «предтеатра» в более развитые театральные формы. В. Е. Гусев не ставил задачу полной реконструкции древних форм «дотеатральной» обрядности. Он сосредоточил внимание на бытовании обрядовых игрищ в XIX в., их взаимосвязи с различными формами демократического театра. Интересен сравнительный анализ хороводного и карнавального типов игрищ. В то же время разграничение народного зрелищно-драматического творчества и собственно фольклорного театра кажется несколько искусственным. Думается, у них все же больше сходных черт, чем различий.

Остальные статьи сборника знакомят читателя с многочисленными жанрами и видами фольклорного театра: таджикской народной музыкальной драмой («Монголка») (с. 51—83), особенностями представлений масхарабозов и кизикчи у узбеков (с. 83—114), исторической народной драмой в Молдавии (с. 137—153), а также с фольклорно-драматическим творчеством казахов, бурят, литовцев, мордвы и других народов. Авторы статей дают анализ сценических средств, используемых исполнителями, показывают отношения зрителя и актеров, социальные функции зрелищ, их связь с другими жанрами народного творчества. Особое внимание уделено репертуару народного театра, варьировавшему в зависимости от социального состава и вкусов аудитории, перед которой происходило представление.

Заслугой авторского коллектива является освещение наименее исследованных аспектов фольклорного театра: фольклорный театр как особый стиль театрально-художественного мышления, как одна из форм народного мировоззрения. Безусловно, и к фольклорному театру применимы слова В. И. Ленина, сказанные после знакомства с рядом фольклорных источников («Смоленским этнографическим сборником» В. Н. Добровольского, «Причитаниями Северного Края» Е. В. Барсова, «Северными сказками» Н. Е. Ончукова) о том, что на этом материале можно было бы написать прекрасное исследование о чаяниях и ожиданиях народных¹.

Преобладание в сборнике описательного подхода над теоретическим осмыслением проблем фольклорного театра объясняется малой разработанностью темы. Предыдущий сборник аналогичного содержания (Народный театр. Л., 1974) также преследовал цель накопления эмпирического материала. Думается, оба сборника, а также работы некоторых других исследователей² стали серьезной «прелюдией» к более глубокому теоретическому изучению народного драматического творчества. Коллективный труд «Фольклорный театр народов СССР» как бы завершает начальный этап этой большой работы.

А. Г. Баканурский

¹ Бонч-Бруевич В. Д. В. И. Ленин об устном народном творчестве // Сов. этнография. 1954. № 4. С. 118.

² См.: Гусев В. Е. Истоки русского театра. Л., 1977. 87 с.; его же. Русский фольклорный театр XVIII — начала XX века. Л., 1980. 94 с.; Некрылова А. Ф. Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища. Конец XVIII — начало XX в. Л., 1984. 191 с.; Савушкина Н. И. Русский народный театр. М., 1976. 151 с.

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

Vulcănescu R. Mitologie română. București, 1985. 711 p.

Мифология относится к одной из наиболее сложных сфер духовной культуры любого народа. Хотя первые попытки ее изучения, рационального переосмысления мифологического материала предпринимались еще в античности, однако до сих пор некоторые важные проблемы не освещены. В частности, из большого числа определений мифологии ни одно не является общепринятым. Более того, современные исследователи «нередко коренным образом расходятся во взглядах на ее сущность и природу»¹. Подобные же разногласия имеются и в определении мифа — главного понятия мифологии.

Не является исключением и румынская мифология, притом в последнее время интерес к этой области знаний возрос². Среди последних работ, посвященных ее изучению, выделяется монография румынского этнолога Р. Вулканеску «Румынская мифология».

¹ Мифы народов мира. М., 1980. Т. I. С. 12.

² Gulian C. I. Mit. și cultură. București, 1968; Eliade M. De Zalmoris á Gengis Khan. P., 1970; Musu Gh. Din mitologia tracă. București, 1982; Coman M. Mitos și epos. București, 1985.